

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОТСКОЙ ЕПАРХИИ В ТАВРИКЕ

В византиповедении с конца XIX в. сложились представления о том, что VIII—IX вв. в истории Таврики ознаменовались господством иконопочитательских настроений в противовес жесткому иконоборческому курсу византийского правительства. В. Г. Васильевский, детально проанализировавший два агнографических источника: Жития Стефана Нового и Иоанна Готского (1; 2), считал, что на полуостров устремился поток преследуемых монахов, основавших в горной части ряд монастырей. Это стимулировало учреждение на территории Горного Юго-Западного Крыма Готской епархии, центром которой стал Партенит (совр. Фрунзепское), а затем Дорос (Мангуп).

С отдельными дополнениями и уточнениями эта точка зрения получила поддержку и развитие в трудах Ю. А. Кулаковского (3; 4), А. А. Васильева (5), С. П. Шестакова (6), А. Л. Якобсона (7; 8), И. А. Баранова (9) и ряда других исследователей.

В пользу существования епархии в первой половине VIII в. толковались сведения «Жития Иоанна Готского». Действительно, Иоанн в нем выступает как ее глава. Там же упоминается и о его апонимном предшественнике, заслужившем преданностью иконоборческому курсу перевод в более престижную митрополию — Гераклею Фракийскую (2, с. 126, 135). Под деяниями VII Вселенского собора есть подпись монаха Кирилла, которого исследователи единодушно считают представителем Иоанна Готского. Из этого обычно определяют дату антихазарского восстания в Таврике, поводом для которого послужил захват хазарами Дороса. Возглавил это выступление епископ Иоанн Готский. Основанием для таких выводов являются следующие рассуждения: поскольку Иоанн — ярый поборник восстановления иконопочитания — отсутствовал на соборе, осудившем иконоборчество, и прислал лишь своего представителя, следовательно, он был в это время во главе своей восставшей паствы (9, с. 159). Однако при более внимательном изучении источников возникают сомнения. Обратимся к упоминаниям имени Кирилла в документах VII Вселенского собора. Оно встречается несколько раз, причем с весьма противоречивыми пояснениями. В

числе лиц, участвовавших в соборе, среди прочих указан «инок Кирилл, занимавший место Никиты, епископа Готского» (13, с. 64). Еще в одном месте Кирилл назван Готским епископом (13, с. 169). Далее, в перечне присутствовавших на соборе Кирилл опять назван представителем Готского епископа Никиты (13, с. 226), и только в римской редакции протокола четвертого заседания собора значится: «Кирилл, инок и представитель Иоанна, епископа Готского» (13, с. 363). На седьмом заседании в числе присутствовавших отмечен «Кирилл, инок и представитель готский (13, с. 583) (о подписях под протоколом седьмого заседания речь пойдет ниже).

Таким образом, в документах Кирилл дважды назван представителем Никиты и один раз — Иоанна, один раз Готским епископом и один раз просто представителем Готии. На это обратил внимание еще П. И. Кёппен, у которого в «Крымском сборнике» Кирилл фигурирует как представитель Никиты (14, с. 63), а Иоанн назван его предшественником (14; с. 66—67).

В. Г. Васильевский все же предпочел говорить о Кирилле именно как представителе Иоанна (2, с. 144), исходя из того, что из «Жития» известно, что Иоанн был епископом Крымской Готии и пережил собор 787 г. Двукратное упоминание Никиты В. Г. Васильевский объясняет невнимательностью секретарей (2, с. 144).

С доводами В. Г. Васильевского с оговорками можно было бы согласиться, если бы не собственноручная подпись Кирилла под заключительным седьмым заседанием собора: *Κυρίλλος ἀρταῶλος μοναχὸς καὶ τοῦ τόπου ἐλεῶν Νικολοῦεωσ ἐπισκόπου Γοτθίας* (2, с. 144).

В русских изданиях деяний VII собора переводчики, мало знакомые с крымской историей, перевели эту фразу так: «Кирилл грешный, инок и представитель (Никиты) епископа Никополя Готского» (13, с. 598). В. Г. Васильевский считал, что эта фраза дошла в искаженном виде и Никита по ошибке назван Никополем (2, с. 144). Это можно принять только в том случае, если допустить, что Кирилл действительно представитель епископа Крымской Готии, а го-

рода Никополя в Крыму, как известно, не было.

Таким образом, перед нами два перевода: по первому — Кирилл представитель Готского епископа из города Никополя; по второму (В. Г. Васильевский) — Никополь есть не что иное, как искаженное имя Никита. Однако дословный же перевод данной фразы следующий: «Кирилл, грешный монах и представитель епископа Никополя Готского». Вызывает большие сомнения сама возможность путаницы имени человека и названия города, имеющих различноеписание. Бряд ли хорошо образованные секретари или переписчики могли допустить такую ошибку. Отметим важную деталь: эту фразу Кирилл написал собственноручно. Не убедительно и рассуждение В. Г. Васильевского о том, что Кирилл обязан был упомянуть имя пришедшего его епископа. Напомним, что при перечислении лиц в начале седьмого заседания Кирилл назван просто готским представителем.

Таким образом, у нас нет оснований не доверять источнику. В указании на Никополь Готский был важный смысл. В Византии существовало несколько городов с таким названием, и их епископы присутствовали на заседаниях собора. Поэтому для уточнения, какой именно Никополь представляет тот или иной епископ, в тексте делались соответствующие ремарки. Так Анастасий назван епископом Никополя — древнего Эпира (13, с. 64). Несоднократно упоминавшийся представителем Никопольского престола Григорий (13, с. 599) в седьмом заседании указан как «Григорий, пресвитер и представитель Никополя, что во второй Армении» (13, с. 583).

Уточнил свой статус и Кирилл, назвавшись представителем Никополя Готского. Видимо, речь здесь идет о Мезийском Никополе в Дунайской Готии. Об этом городе и его непосредственной связи с готами сообщает еще Иордан: «Были еще и другие готы, которых называют малыми, хотя это — огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфил... По сей день они пребывают в Мезии, населяя местность вокруг Никополя, у подножия Эмимонта (15, с. 120). Отметим, что с середины V в. здесь уже известна епископия (16, 19; 17, с. 522). Итак, возникают сомнения в том, что монах Кирилл имел отношение к Крымской Готии и к Иоанну Готскому,

Кто же представлял крымских христиан на соборе 787 г.? В списках участников названы Сутдейский епископ Стефан, очевидно Стефан Суроожский (13, с. 65), и епископ Херсонский Сисиний (13, с. 369, 385). Как известно, в конце VII в. Херсон и Крымская Готия первоначально входили в одну церковно-административную единицу: под деяниями пято-шестого Трульского собора стоит подпись Георгия, епископа Херсонеса и Доранта (5, с. 190). В свете современных исследований наиболее вероятно локализация Доранта-Дороса на Мангупском плато (11, 13). Не вызывает сомнений связь Дороса с Крымской Готией. Об этом есть прямое свидетельство в «Бревиарии» Никифора: «Юстиниан... скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле» (12, с. 163). Таким образом, на VII Вселенском соборе христиане Крымской Готии, вероятно всего, были представлены херсонским епископом.

Появляется необходимость вновь обратиться к вопросу о дате восстания Иоанна Готского. Несомненно, что восстание произошло в правление императрицы Ирины (па что есть указание в источнике) после VII Вселенского собора, временно восстановившего иконопочитание. Поводом для выступления «Житие» называет захват хазарями Дороса, центра Крымской Готии, опорного пункта Византии на ближайших подступах к Херсону. Такая ситуация могла сложиться только при условии изменения отношений между Византией и Хазарией. При императорах-иконоборцах между империей и каганатом установились тесные контакты. В VIII в. обе стороны оказались перед лицом арабской угрозы. Это вынудило их заключить союз, который в 732 г. был подкреплён браком сына Льва III Исавра Константина, будущего Константина V Копронима, и хазарской принцессы, при крещении нареченной Ириной. Их сын Лев получил прозвище Хазарин. Политический союз, возможно, подкреплялся и тем, что почитание культа икон было характерно также для верхушки хазарского общества, исповедовавшей иудаизм. Любопытно, что иконопочитательская апологетика выводила корни иконоборчества из иудейской догматики, а самих иконоборцев часто обвиняла в иудаизме (18, с. 238, 243). Политику Льва III в отношении Хазарии продолжали все следующие императоры-иконоборцы.

Узурпация власти Ириной и смещение с престола Константина VI, наследника Льва Хаарица, резкий поворот идеологического и политического курса, выразившийся в восстановлении иконопочитания, усиление критики иудаизма, ослабление арабской угрозы на фоне заметного упадка Византии не могли не вызвать ответной реакции со стороны каганата, усилившего натиск на византийские владения в Таврике и на Кавказе (19, с. 151). Попытка выступления против этой экспансии под знаменами иконопочитания была обречена на провал, поскольку его лозунги не должны были встретить сочувствия в Таврике, сохранившей, по преимуществу, иконоборческую ориентацию*.

Вероятно, именно иконоборческая партия выступила на стороне хазар, в результате чего Иоанн, «преследуемый собственным народом бежал в Амастриду» (2, с. 147). Хазарам удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике, ограничившихся теперь лишь ближайшими окрестностями Херсона. По данным еврейско-хазарской переписки, они простирались на Южном берегу до района Алушки-Симеиза, на северо-востоке до захваченных хазарами Мангуна и Эски-Кермена (21, с. 23).

Такая ситуация потребовала перестройки местной церковной структуры. Собственно византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории были выделены самостоятельная Готская и, возможно, Фульская епархии.

Можно считать доказанным, что «Житие

Иоанна Готского» было написано в Малой Азии между 815 и 843 гг. (5, с. 201), когда самостоятельная Готская епархия в Крыму уже несомненно существовала.

Автор, для которого полуостров был «та сторона моря» (2, с. 126), скорее всего передавал ситуацию первой половины IX в., а не времени Константина V. Фигура Иоанна для канонизации, возможно, была выбрана не случайно: его иконопочитательские взгляды и борьба против хазар вполне соответствовали этому. Не исключено, что Иоанн был известен и как сторонник выделения самостоятельной Готской епархии. На наш взгляд, именно так можно трактовать его посвящение в сан в Мцхете. Играя на противоречиях иконопочитателей и иконоборцев, Иоанн мог попытаться найти поддержку в иконопочитательской Иверии, противопоставив себя иконоборческим епископам в Крыму. Однако ситуация в Готии складывалась не в пользу Иоанна, что побудило его отправиться в Иерусалим (2, с. 135), и только оттуда он вернулся в Крым.

Что касается мнения о существовании самостоятельной Готской епархии в первой половине VIII в., то источники не дают основания для него.

В Notitii VII (конец VII — начало VIII в.) в Крыму названы лишь две самостоятельные архиепископии: Херсонская и Боспорская. То же повторяется в Notitii VI (815—817 гг.) и Notitii Basillii (первая половина IX в.) (4, с. 173—174), и только в Nova tactica периода Льва Мудрого (886—911 гг.) в числе архиепископий названы Херсонская, Боспорская, Готская, Сугдейская, Фульская (4, с. 174).

Роспись епархий, изданная Де-Боором и отнесенная им к первому периоду иконоборчества, с упоминанием Готской епархии, как убедительно показал А. Л. Бертъе-Делагард, в Таврической части относится ко времени не ранее XI в. (10, с. 47). Таким образом, в списках епархий самостоятельная Готская епархия появляется только во второй половине IX в. Образование же ее можно отнести к концу VIII — началу IX в. Это было вызвано захватом большей части Крымской Готии хазарами. Новообразованной епархии нужен был свой святой учредитель, возможно поэтому в первой половине IX в. и появилось «Житие Иоанна Готского».

* Мы уже выступали с анализом усложнившихся в историографии взглядов об иконопочитательской ориентации Таврики в VIII—IX вв. и пришли к следующим выводам: с переходом к политике иконоборчества при Льве III светские и церковные власти Таврики не перешли в оппозицию правительству, но даже активно его поддержали. На это указывает большинство письменных источников. Они не дают основания предполагать о сколько-нибудь заметной иммиграции сюда преследуемых иконопочитателей и тем более о появлении в связи с ней пещерных монастырей. Анализ архитектурных особенностей и топографии этих памятников, имеющие аналогии за пределами Крыма указывают на более позднюю дату их создания — X—XII вв. (20, с. 7—9).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб. 1912. Т. 2. Вып. 2.
2. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. СПб. 1878. Ч. 195 (январь).
3. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев. 1914.
4. Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. февраль.
5. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. 5.
6. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908.
7. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л. 1964.
8. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. 168.
9. Барапов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев. 1974.
10. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоумевших вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
11. Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангуна. Автореферат канд. дисс. Л. 1984.
12. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
13. Деяния вселенских соборов. Казань, 1873. Т. 7.
14. Кенпен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб. 1837.
15. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960.
16. Meier F., Mommsen C. Atlas de l'antiquite chretienne. Paris, Bruxelles, 1960.
17. Paulys Real-encyclopaedie der classischen altertums — Wissenschaft. Stuttgart, 1936. Bd. 17.
18. Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Пд., 1917. Т. 1.
19. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
20. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч. III. Херсон: ХКМ, 1990.
21. Герцен А. Г. К вопросу о территории Херсонской фемы // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988.

А. Р. НИКИФОРОВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЕНУЭЗСКИХ ГОРОДОВ-КОЛОНИЙ КРЫМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Центральное место среди различных аспектов генуэзской колонизации, получивших освещение в трудах советских исследователей, занимают вопросы социально-экономической истории колоний. Правда, первым крупным произведением по истории генуэзских колоний, которое в полной мере можно отнести уже к советской историографии, стала книга Е. Ч. Скржинской «Inscriptions latines des Colonies Genoises en Crimes», вышедшая в Генуе в 1928 г. Основная часть работы представляет собой публикацию полного свода генуэзских эпиграфических памятников Каффы, Солдаи и Чембало (1, с. 31—140). Предваряет публикацию очерк истории городов-колоний генуэзцев, в котором основное внимание уделяется вопросам, традиционным для дореволюционной историографии (1, с. 5—27). Лишь опубликованные в 1937 и 1940 гг. работы Е. С. Зевакина и Н. А. Пепяко положили начало почти без-

раздельной гегемонии социально-экономической проблематики в отечественной научной литературе, посвященной истории генуэзской колонизации (2, с. 72—129; 3, с. 3—33).

В первой половине 50-х гг. стремление заявить о своей приверженности к марксистско-ленинской методологии в ее трактовке, характерной для того времени, заставило советских исследователей в слепном порядке дать оценку характеру деятельности генуэзцев в Северном Причерноморье, их влиянию на судьбы народов, населявших этот регион в XIII—XV вв. При этом рассмотрение конкретных вопросов истории колоний отодвигалось на второй план, страдало зачастую схематичностью, становилось подчиненным заранее сформулированным выводам.

В публикациях первой половины 50-х гг. роль генуэзцев в истории Северного Причерноморья характеризуется как грабительская,